

Школа общины с Хулианом Карроном. Милан, 20 ноября 2013 г.

Обсуждаемый текст: Х. Каррон. Как рождается присутствие. Октябрь, 2013

- *You*
- *Liberazione n. 2*

Gloria

Мы решили работать над второй частью Дня начала года. Начну с того, что прочитаю один из вопросов, возникших на последней школе общины, который позволит нам двигаться вперед: «На прошлой школе общины меня поразили многие вещи, но одна удивила особенно. В определенный момент ты спросил: “Как происходит событие, как оно вновь происходит – даже для тех, кому, возможно, трудно и кто, принимая участие в том же самом событии, не испытывает трепета?” Я уже стал обдумывать все вероятные отрицательные ответы: “Ну конечно же, событие не происходит вновь, если ты занимаешь неправильную позицию, если замкнут и потому не способен видеть”. И тут ты меня ошеломил, сказав: “Это замысел Бога <...> Который <...> дарует благодать одному человеку, чтобы она продолжала действовать на наших глазах, чтобы через этого человека и его свидетельство и до других могло докатиться эхо самого начала”. Я был поражен, но вопрос все же не разрешился – наверное, в силу моего характера или обстоятельств, часть которых я сам же и нашел на свою голову. Практически всегда факт, происходящий с другими, но не со мной, кажется мне не благодатью и не даром, но, скорее, подтверждением того, что окружающие добираются туда, куда я дойти не способен. Словно возможность видеть это в других не в состоянии устранить два мощных возражения. Во-первых, я сомневаюсь, что действительно желаю того изменения и счастья, которые вижу в других. Во-вторых, даже если такое желание во мне есть, я никогда не добьюсь его исполнения и никогда не пойму. Хотел бы спросить тебя, как можно изменить подобную позицию. Мне кажется, если что-то не происходит со мной, значит, произносятся лишь чужие имена, но не мое. Как будто даже в Движении великое уготовано исключительно для отдельных людей, не для каждого. Ты же, напротив, говорил, что изменение, которое человек замечает в других, способно стать шансом для всех». То же самое мне пишет еще один человек: «Событие, происходящее с другим, является надеждой и для меня. Это утверждение на уровне теории до определенного момента может устоять, на практике же теряет силу, ведь, чтобы жить, я сам должен приобретать опыт». Но как еще я могу приобрести опыт, если не посредством другого человека? Как приобретали его вы в вашей жизни, если не благодаря другому, находившемуся перед вами? Кем являлся отец Джуссани? Ангелом с небес? Или же он был тем другим, через которого, как мы говорили на последней школе общины, цитируя его собственные слова, до нас в настоящем доносилось «эхо того самого события»? Другого метода просто не существует! Событие происходит благодаря другому, потому что именно таков метод Бога со времен Авраама и до наших дней: избрать одного, чтобы через этого одного достичь остальных. И потому, если событие происходит с другими, не значит, что оно не происходит со мной. Происходит со мной через других, как это заведено испокон веков. Никого бы из нас тут не было – никого, если бы с нами не произошло нечто посредством других. И вопрос в том, продолжаю ли я возражать, когда вижу, как событие происходит в ком-то – кем бы ни был этот человек, которого Тайна выбрала, чтобы достичь меня. Продолжаю ли утверждать, что, раз событие не происходит согласно моим представлениям, следовательно, не происходит вовсе. Происходит! Именно поэтому мы и говорим: оно происходит с другими. И каждый перед лицом происходящего должен принять решение, поскольку, когда Господь позволяет чему-то происходить на моих глазах, значит, это для меня! Мы все это испытали, так что нечего думать, будто мы ничего такого не видели или с нами ничего такого не произошло, а лишь с другими. Событие произошло со мной, так как оно было мне дано через другого – иных способов не существует. Сам Иисус говорит о том же: «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто

и из мертвых воскрес, не поверят». И тут крайне важна наша позиция по отношению к реальности. Позволяем ли происходящему по-настоящему сдвинуть нас с мертвой точки. Современникам Иисуса и в голову не могло прийти, что Бог избрал Его, чтобы достичь всех. И каждый должен смотреть на этот метод. Есть и другой аспект, еще более поразительный: христианское событие доходит до нас непрестанно через полноту жизни Церкви. Недавно – впрочем, подобные вещи случаются со мной часто – знакомая рассказала, как цитирует Библию или высказывания папы своим друзьям, испытывающим серьезные жизненные затруднения. Казалось бы, перед лицом отдельного человека с конкретной проблемой нет ничего более безличного и несоответствующего, чем ее действие. Так почему же она цитирует именно эти тексты? Да потому, что христианская весть – это объективный ответ, способный разрешить личные проблемы! И самый понятный пример касается величайшего ограничения, с которым мы сталкиваемся. Перед лицом смерти нет ничего более освобождающего, чем весть о Христе воскресшем (так же как перед лицом нашего зла можно сказать лишь: «Прощаются тебе грехи твои»). Скажите, есть ли что-то более личное, более соответствующее моей нужде, чем христианская весть! Вот почему меня поражает, что многие свели «произнесение их имени» к беспросветному сентиментализму. И хуже всего того, что этот сентиментализм стирает с лица земли и нашей жизни факт нашей избранности – каждого из нас, как мы сказали в Ассаго: «Это объективный выбор, которого мы уже не вырвем из себя, это проникновение в наше существо, которое не зависит от нас и от которого нам более не избавиться <...> Нет ничего более революционного <...>». Нет ничего более реального, более объективного. И даже если в такой момент мне кажется, будто событие не вызывает во мне трепета, как прежде, то это не значит, что оно менее содержательно или не разрешает должным образом мою проблему, мою личную ситуацию. Если я не ощущаю трепета, то лишь потому, что воспринимаю происходящее как нечто уже известное и не вовлекаю всю свою нужду, все то, из чего действительно соткана жизнь, чтобы услышать всеобъемлющий (по-настоящему полный!) ответ, который несет в себе христианская весть. В общем, друзья, если мы не сознаем, что каждого из нас зовут по имени (и мы вернемся к этому во время упражнений Братства), то обязательно столкнемся с проблемой, описанной во втором письме, которое я сегодня прочитал. Понимаете, почему отец Джуссани так настаивал на необходимости сделать веру личной? Потому что, если христианская весть не станет моей, я неизменно буду попадать в западню. Один человек пишет: «Хочу рассказать тебе о двух небольших эпизодах, произошедших со мной и сильно взволновавших меня, так как после сорока лет в Движении я вдруг открыл, что все еще нахожусь в начале пути. После работы я решил прогуляться по одной из улиц моего города. Было много народу. В какой-то момент меня остановили двое молодых людей (думаю, они были из какой-то евангельской церкви). Они хотели рассказать мне о своем религиозном культе. Как только мне стало ясно, кто они такие, а точнее, чего они хотели, я отреагировал очень резко: «Говорите что угодно, но я встретил Иисуса, и потому вам меня ни в чем не убедить. Более того, если хотите, я сам вам расскажу об истине». Через пару минут я уже был далеко, вполне довольный тем, как легко мне удалось поставить их на место. Но затем сразу же возникло чувство неудовлетворенности. Что я рассказал о себе? Ничего! Я лишь противопоставил одну идеологию другой. Спустя несколько дней случилось еще одно событие. После работы я возвращался в гостиницу и остановился, чтобы поговорить с портье. Спросил, как у него дела, и он мне ответил, что у него болит спина. «А я знаю все о боли в спине, ведь страдаю ей вот уже сорок лет!» И я подробно объяснил, как бороться с болью в спине, и советы были такими правильными, что полностью убедили моего собеседника – куда больше, чем слова его врача. И я ушел удовлетворенным. Но с того момента мне нет покоя. Дело в том, что говоря о такой банальности, как боль в спине, я совершенно справедливо исходил из опыта. Когда же речь заходит об Иисусе и Движении, я пускаюсь в разговоры. Почему? Я ведь уверен в том, что встретил, у меня нет никаких сомнений. И все же я пускаюсь в разговоры. Я пережил опыт, но вместо того, чтобы смотреть ему в лицо, пускаюсь в разговоры. Поверить не могу! Вот уже две недели, как произошел этот случай, а я до сих пор не могу успокоиться [и я его понимаю]. Ты прав, когда

говоришь о необходимости решить, следовать ли за отцом Джуссани и прежде всего за предложенным им методом. Почему же я не обращаюсь к опыту, а превращаю все в теорию?» Потому что во множестве случаев мы не переживаем опыт. Вот что пишет мне другой человек: «Как опыт Магдалины может стать путем? Я каждое утро должна вновь испрашивать тот же опыт, чтобы жить, и через день осознаю необходимость делать то же самое. Но между одним опытом и другим всегда остается страшная зияющая тьма, и, чтобы жить, мне нужна единственная надежда – надежда на встречу с кем-то исключительным. Как опыт Магдалины превратился в путь для тебя?» Здесь, друзья, мы сталкиваемся с основополагающим вопросом метода, поскольку, если мы не переживаем опыт, в конечном итоге все, что мы можем сообщить самим себе и другим, – разговоры. Пережили ли мы опыт того, что кто-то зовет нас по имени? Или же это лишь речи о других людях, и мы не имеем к ним никакого отношения? И почему это так важно? Да потому, что то, чем я живу, не укрепляет во мне уверенность, и, следовательно, я всегда остаюсь во власти всего остального. А отец Джуссани постоянно говорил нам: получать опыт – значит жить тем, что позволяет мне возражать. Если не растет мое самосознание, то и опыта никакого нет. Простите, что я так долго на этом останавливаюсь. На прошлой неделе, во время собрания студентов, одна девушка, которая ведет факультетскую школу общины, рассказала о выступлении одной ее подруги. Она занималась социальной работой – должна была оказывать медицинские и гигиенические услуги проституткам, но никто не хотел принимать помощь. «Мне надоело выслушивать отказы, и у следующей я просто спросила, как дела. С этого вопроса завязался разговор, я пригласила женщину выпить кофе, и мне удалось хоть как-то начать с ней отношения. В конце концов, она согласилась принять и услуги, которые я предлагала». Тогда девушка, которая вела школу общины, спросила: «Ты хоть поняла, что в тот момент была присутствием?» Но та продолжила: «Потом я поговорила с другой проституткой, и она мне сказала: “В жизни можно лишь плакать”. И я не знала, что на это ответить, а потому никаким присутствием не являлась». Тут я прервал рассказ и сказал ведущей школы общины, что она ошиблась. «Почему твоя подруга была абсолютно права, когда сказала, что не была присутствием? Во-первых, она не пережила опыт. Если без помощи другого человек не в состоянии понять, что пережил, значит, он не вынес о пережитом суждение. И, следовательно, как утверждает отец Джуссани, это не стало опытом. И где подтверждение того, что девушка не возросла, то есть не пережила истинный опыт? Когда проститутка сказала ей, что в жизни можно только плакать, ей нечего было ответить». Как часто мы не знаем, что ответить! Необходимо осознать, о чем мы говорим, поскольку, цитирую отца Джуссани: «“Опыт” связан с осознанием собственного роста» (Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М., Христианская Россия, 1997. С. 130). Поэтому каждый должен отдавать себе отчет в том, что происходит в его жизни, соотнося события с потребностями сердца. В противном случае мы не растем – и можем оставаться в Движении двадцать или даже сорок лет, но совершенно формально. Вот почему отец Джуссани говорит: «Наша компания становится либо опытом, либо чем-то действительно опасным – потому что те, кто ее образуют, превращаются в стадо» (*Certi di alcune grandi cose*. 1979-1981. Bur, Milano, 2007. P. 249). Что это означает? Что компания не способствует нашему росту, и, поскольку мы не возражаем в самосознании, не помогает нам встречать реальность со всеми ее вызовами лицом к лицу. И каков признак отсутствия самосознания? Оно, как мы сказали на упражнениях, выражается в растерянности перед вызовами жизни. Однако растерянность не повсеместна, и существуют примеры того, что возможно встречать вызовы жизни лицом к лицу, если человек переживает опыт.

Чуть больше месяца назад появился на свет мой четвертый сын Джакомо. Он отошел на небо всего через девятнадцать часов после рождения, потому что страдал от тяжелых пороков развития – тех же самых, какие были и у моей первой дочери, которая родилась и умерла одиннадцать лет назад. Узнав на третьем месяце о болезни, я буквально впала в отчаяние. Диагноз казался мне страшной несправедливостью и я даже всерьез задумалась о том, чтобы на сей раз прервать беременность – настолько была рассержена на Христа и оцущала себя

слишком слабой и неспособной выдержать до конца это тяжкое испытание. Впрочем, ничто должным образом не отвечало мне – ни возможность прервать беременность, ни перспектива дожить до конца срока благодаря одному лишь морализму. Я чувствовала себя словно в западне, мысли и сердце разрывал вопрос, который ты задал на упражнениях: «Что нам осталось от притягательности Христа?» Я эту притягательность потеряла и искала ее вновь. Но даже в ситуации полного отчаяния во мне жила просьба – пусть неуверенная и слабая – о том, чтобы ничто не было потеряно, чтобы в происходившем со мной я могла признавать Отца и его благой замысел обо мне. К счастью, гинеколог, мой очень близкий друг, сказал, что по поводу мыслей об аборте мне стоило бы посоветоваться с епископом нашего города. Думаю, Иисус впервые позвал меня – пока еще чуть слышно – именно через этого врача. Я доверилась ему, и так произошла встреча с кардиналом – встреча невероятно сильная, и не столько из-за слов, им сказанных, сколько из-за объятия, взгляда, уверенности, которые он нам передал. Когда мы с мужем уходили, то оба знали, что встретили Иисуса и с этого момента больше не будем в одиночестве, а наши ограничения и трудности не являются помехой для истины. На меня посмотрели, и я стала видеть, как говорил святой Августин и как ты нам напомнил. Я начала смотреть на реальность не через призму раны, которую она во мне открывала, но имея в виду все то, что могла получить от Христа, продолжая путь. С тех пор я жила в преизобилии присутствия, воплощенного в лицах и словах друзей и всей Церкви. И это объятие не было ничуть сентиментальным – оно исцелило меня, позволило изменить отношение к реальности, которая раньше казалась лишь чем-то, что необходимо терпеть, стиснув зубы, а теперь стала достойной любви. Однако на пятом месяце беременности ультразвук показал, что болезнь Джакомо не только не ушла, но напротив, прогрессирует, и я неожиданно потеряла равновесие. В тот момент мне вдруг стало ясно, что, пока я мечтала о здоровом сыне, Иисус любил его таким, какой он есть. И я почувствовала себя ужасно плохо – прямо как маленькая девочка, которая понимает: отец уже принял решение. Впрочем, несмотря на невыносимую боль, в те дни я перестала молиться о чуде исцеления и просила лишь о том, чтобы Иисус не оставлял меня и продолжал давать мне Свою силу. Я нуждалась во Христе более, чем в здоровом сыне, потому что понимала: без Него моя рана поглотит меня. В последующие месяцы, вплоть до родов, я продолжала просить, чтобы Он явил мне Свою силу и Свою нежность. Именно эти слова я произносила в молитвах. И думаю, в тот миг, когда родился Джакомо, Иисус сполна ответил на мою просьбу. В течение девятнадцати часов Он господствовал в палате, и не только наши друзья, но и врачи, медсестры, акушерки, люди неверующие, все до единого были поражены и хотели участвовать в этой жизни, не переставая благодарить нас. Нас с мужем изумило, **что** Иисус создал через пораженного тяжелым недугом младенца в той больнице – в среде, где все пропитано культурой выбраковки. Джакомо был там и словно говорил: «Я родился и теперь останусь с вами навсегда». И все эти люди видели нас – отца и мать, которые по их представлениям должны были быть убиты горем. Мы же были по-настоящему счастливы – из-за благодарности и взволнованности перед этой неожиданной жизнью. В глубине души я уверена: каждого, кто входил в тот день в палату, Христос привлек к Себе. Сознали люди это или нет, но Христос привлекал их к Себе и господствовал над всеми. Мы ничего не сделали, Он же преобразил реальность. Когда ты проводил собрание в нашем городе, мой муж пригласил туда главного врача отделения (она не из Движения), поскольку хотел показать ей место, которое нас порождает и которое позволило нам так прирасти к реальности. Она пришла и была тронута, и теперь говорят, что в больнице эта женщина стала совершенно другим человеком. Вместе с другим врачом она предложила организовать курс поддержки таких детей, как Джакомо, – ни о чем подобном раньше и помыслить нельзя было, ведь дети вроде нашего сына в господствующей культуре и вовсе не должны рождаться. Конечно, сейчас, потихоньку возвращаясь к повседневной жизни, я обязательно попадусь в жизненные ловушки. Но, к счастью, я пережила опыт Его победы и Его присутствия, воплощенного в лицах моих друзей, научилась называть Его по имени, и этот опыт навсегда останется для меня отправной точкой.

Уверенность, которая прежде была слабой и колеблющейся, превратилась в самый великий дар, преподнесенный мне Джакомо, и за него я буду вечно благодарна.

Христос преображает реальность и порождает подобное присутствие.

Позволю себе высказаться по поводу того, чем поделилась с нами наша подруга, – надеюсь, ты простишь мне это. Меня подталкивают и слова, которые ты сказал вначале: когда нечто истинное происходит с другим, оно происходит и для меня. Вот я и хочу сказать, что со мной случилось сейчас, пока я слушал рассказ. История нашей подруги, по крайней мере для меня, является наиболее показательным и точным примером, в полной мере выражающим содержание предложения, прозвучавшего на Дне начала года. В ней в обобщенном виде содержится все, и лично у меня не остается ни малейшей мысли, что присутствие начинается с инициативы: как будто есть взгляд Другого – Христа, произносящего мое имя, но потом я должен сам «порождать» присутствие. Меня поразила очевидная вещь: ни перед ней, ни перед ее мужем не стояла «проблема» свидетельства, они просто переживали ситуацию, в которой оказались. И чтобы быть в состоянии ее переживать, искали единственную поддержку, которая бы им это позволила – то, чему они принадлежат, суждение веры. И больше всего меня поражает, как человек, который ее ищет – не ради того, чтобы кому-то разъяснить, но чтобы жить, – становится орудием чего-то невысказанно великого. Мы в чем-то уверены, и, возможно, наша уверенность поначалу очень хрупка, а Бог дает нам обстоятельства, чтобы уверенность росла, чтобы, следуя за Ним сквозь эти обстоятельства, мы учились любить Его. И когда я учусь Его любить, любя Его, узнавая Его лицо, которое постепенно начинает вырисовываться все яснее, я учусь любить и больного ребенка, то есть начинаю любить этого ребенка за то, что он есть, а не за то, каким он должен быть. Я люблю в нем его судьбу. И в других людях, глядящих на меня, просыпается желание уметь любить точно так же (и поэтому у кого-то в голове рождается план по созданию курса поддержки таких младенцев, как Джакомо). Иными словами, такая любовь желанна, потому что наши действия становятся великими не в силу драматических обстоятельств. Нет, их делает великими то, о чем рассказала нам наша подруга: человек учится – учится! – любить Христа и, участь любить Христа, учится любить все. Благодаря всему, что ему дано, он сильнее любит Христа и, следовательно, все остальное. Мне в голову приходят первые страницы «Жизни отца Джуссани»: жизнь обретает вкус и мы взрослеем, когда «смешиваемся» с Ним, то есть становимся словно из одного теста со Христом, и это поражает других. Можно пытаться продемонстрировать окружающим то, что угодно нам, но людей поражает то, что является истиной для нас самих и порождает в нас уверенность.

Рассказ нашей подруги показывает, что, когда жизнь загоняет в угол, необходимо переживать все содержание христианской вести, переданной нам. Лишь прирастая к ней, мы способны выстоять перед лицом обстоятельств. Именно благодаря обстоятельствам возрастает любовь ко Христу, ведь в них мы проверяем, действительно ли Он поддерживает нас – не «заранее», а в рамках этих обстоятельств. Если человек не продельывает подобного опыта, то в конце концов подменяет Христа разговорами. Перейти от разговоров к присутствию можно только в том случае, если оно превращается в свершающийся факт, и ты видишь, как оно поддерживает тебя посреди обстоятельств твоей жизни. И что из этого следует (посмотрим, как все связано в Дне начала года)? Что присутствие, которое в итоге являет себя, пребывает в реальности, а не вне ее. Живя, человек устанавливает там, где находится (среди медсестер, врачей, всех окружающих) иной способ переживать реальность, который заставляет людей волноваться, и не потому, что является некой добавкой к уже существующим вещам – просто он открывает им желанную инаковость. Некоторые из работников той больницы впоследствии пришли на городское собрание Движения в надежде увидеть исток того, что они видели в той женщине. В конце вечера один из них даже слегка рассердился и спросил у нее: «Почему ты не сказала, что необходимо платить взносы в общий фонд?» А ведь он даже не принадлежал к Движению! Тогда они впервые услышали об

общем фонде из объявлений. Люди, участвовавшие в подобных событиях, пусть даже произошедших не с ними лично, пережили что-то или нет? Иначе как объяснить, что они, столь на нас непохожие в плане культуры или мышления, оказались на нашем собрании? И как же тогда возможно порождать присутствие? Лишь благодаря вере. Ничто другое – ничто – тут не поможет! Скажите, могло ли что-то еще породить в реальности присутствие, которое бы бросало больший вызов? Назовите мне иную стратегию, способную действительно тронуть сердце, бросить вызов разуму людей, думающих противоположным образом. Что такое присутствие? Когда встречаешься с ним в реальности, признать его проще простого. И как свидетельство этой подруги исправляет наши представления о присутствии? Что нам следует выучить об истоке, порождающем подобное присутствие? Удивительней всего, что и нас, и других людей поражает одно и то же – не надо думать, будто нам нужны для этого разные вещи, поражает всегда то же самое.

Мы не нуждаемся ни в чем ином – лишь есть и пить, жить и умирать. Вот то присутствие, которое приводит в волнение окружающий мир. И мы прекрасно видим: все вокруг ожидают именно подобных простых свидетельств об ином способе пребывать в реальности, переживать обстоятельства. Не нам решать, каким должно быть присутствие. Оно существует, и его видят и признают все – те, кто в контексте и вне его. Присутствие всегда одно – и для «своих», и для «чужих». Когда оно есть, все его признают. Тогда возникает вопрос: как жить так? Как я могу, проживая данную мне жизнь со всеми ее вызовами, приносить в реальность инаковость? Ведь в противном случае наше присутствие не заинтересует никого. И наоборот, когда мы переживаем вызовы, глядя на них через призму того, что с нами произошло, мы устанавливаем в мире присутствие, желанное для всех людей. Затем каждый должен решить, как вести себя, увидев подобное присутствие. Это личное дело каждого – и наше в том числе. Но подобное присутствие никого не оставляет безразличным – и не из-за какой-либо открываемой им полемики, но просто в силу факта его существования. Именно это пытается объяснить нам отец Джуссани, когда говорит о необходимости личного переживания веры. Почему его так интересует персонализация веры? Потому что иначе мы не сможем приобрести опыт. И из чего это становится ясно? Мы возвращались к этому и в упражнениях Братства: из чего видно, что вера не стала по-настоящему нашей? Из того смятения, которое испытывает взрослый человек перед лицом событий. И вопрос заключается в том, хотим ли мы научиться пребывать в реальности и воспринимать иначе обстоятельства – на работе, в семье, в отношениях с детьми и друзьями – или же сводим все к череде эпизодов, пусть поразительных, но не имеющих никакой истории. Вопрос представляется мне решающим, и именно к этому нас неустанно призывает папа. Что имеет в виду Святейший Отец, когда просит пробуждать жизнь веры в наших современниках? Он говорит о необходимости вызывать в них вопросы, как было в самом начале пути Церкви. Почему эти люди живут так? Почему эта мать способна жить так. Что позволяет ей вести себя подобным образом? Такие вопросы ведут к самой сердцевине евангелизации и миссии – свидетельству веры и милосердной любви. Сегодня, по словам папы, мы более всего нуждаемся не в последовательных людях, а в свидетелях, достойных доверия. В тех, кто переживает вызовы жизни, как и все остальные, – в бедности, спотыкаясь и ошибаясь, но вместе с тем привнося в мир иной способ пребывать в реальности. Так они пробуждают в других интерес к Иисусу Христу.

И здесь мы подходим к другому вопросу, который был задан во множестве писем, как например в следующем: «Я хочу понять, какой смысл ты вкладываешь в слово “присутствие”, когда говоришь о необходимости “прорваться к нему и очистить его <...> поскольку присутствие целиком и полностью заключено в личности [это говорит Джуссани]”. Непонятно, что значит “прорваться к нему и очистить его”, а больше всего меня интересует, почему ты делаешь такой упор личности, на том факте, что присутствие целиком и полностью в ней сосредоточено. Я из поколения «утопии» и до сих пор еще мне кажется странным, когда такое большое значение

уделяется личности, словно моей собственной личности недостаточно. Возможно, здесь упор на личности подразумевает, как говорится далее в тексте, ясное сознание, называемое верой [это действительно так], разумность, способную выявлять то, чем все стоит. Я замечаю, что во мне зачастую полно ответов, но не вопросов. И эти ответы не ведут к уверенности, к ясному суждению, не позволяют мне опираться в каждое мгновение исключительно на Его присутствие. Впрочем, жизнь сама решает, в какой момент ударить и открыть в тебе раны, через которые Христос может войти [мы порой думаем, что обстоятельства против нас, а ведь благодаря им у Христа есть шанс войти в нашу жизнь]. И еще я замечаю, как посредством всего этого Христос спрашивает меня: «Чем ты стоишь? Что тебя на самом деле интересует?» В другом письме говорится: «Перечитывая вторую часть Дня начала года, я услышал повторяющийся в ней призыв к единству между нами, которое понималось чуть ли не как синоним Тайны Христа. Оно не последовательность и организованность, а необходимое условие для переживания опыта присутствия». Как понимать, что подобное присутствие заключено в личности? Не нужно ли нам отредактировать Джуссани? Что значит присутствие, которое целиком и полностью сосредоточено в личности? Часто, как показывает прочитанное мною письмо, мы воспринимаем такое присутствие с чисто индивидуалистской точки зрения. И как же тогда понимать, что личность формируется в отношениях с христианской общиной и что последняя является местом порождения личности?

Человек может совершать поступки самостоятельно, и все же никому и в голову не приходит, что он действует в одиночку. И многие даже спрашивают: «Где ты научился этому? Как тебе удается быть таким?» И тогда человек, если он честен, должен провести параллель между своим поведением и местом, его породившим. Именно поэтому отец Джуссани говорит: суть компании – в «я». У меня не получится оторвать мою идентичность от места, которое меня порождает, поскольку «я» каждого из нас не было бы таким, каково оно сейчас, если бы не принадлежало определенному месту. И эта принадлежность может выражаться разными способами – в общинных или личных поступках и действиях. Но надо различать личное и индивидуалистское, потому что если бы личность не принадлежала определенному месту, у нее не было бы того лица, того умения находиться в реальности и того исторического значения, которыми она обладает. Часто, когда мы работаем в одиночестве, у нас возникает мысль: «Я один – так что же я могу сделать, о чем в состоянии свидетельствовать?» Нет! Ты никогда не одинок, мы никогда не одиноки, так как даже один человек может быть настолько отличным от других, что у окружающих возникнет вопрос: «Почему он таков?» И чтобы ответить, нужно обнаружить связь с местом, которому принадлежишь. То есть в глубине «я» лежит вся полнота общины. Можно выразить это по-разному, но истоком всегда будет такое место.

И это происходит даже с теми людьми, которых ты не выбирал. Они даже могут тебе не нравиться, но без них ты не был бы таким. Проблема не в сентиментальной симпатии – неважно, в каком количестве ты ее испытываешь, важно, чтобы было объективное место, постоянно порождающее тебя вновь и вновь, а твоя жизнь непрестанно подпитывалась свидетельством многих людей (и степень их симпатичности не имеет значения), тем, о чем они свидетельствуют, что позволяют видеть, с чем знакомят. И ты благодарен за то, что эти люди таким образом сопровождают тебя на пути к судьбе. Вопрос в том, чтобы подобное единство, созидающее нас, определяло сущностным образом всю жизнь. А определять жизнь оно будет в том случае, когда есть нечто объективно присутствующее, благодаря чему ты замечаешь, что, несмотря на все твои ограничения, это единство созидает тебя уже в силу принадлежности ему и является для тебя решающим. Если мы не ищем глубинных причин, по которым такая принадлежность чего-то да стоит в созидании нашей жизни, то кто заставит нас остаться в Движении? Если мы не доходим до понимания важности этого единства, в конце концов будем утверждать его формально, и даже крупинки сомнения окажется достаточно, чтобы послать его

подальше – лишь по той простой причине, что нам так и не стало ясно, насколько высоки ставки в игре.

Рассказы, которые мы услышали сегодня вечером, с очевидностью свидетельствуют об этом. Мама Джакомо не являлась источником присутствия, пусть даже ей пришлось нести на собственных плечах такую драму. Источником присутствия было место, где ее «я» непрестанно порождалось вновь и вновь. Поэтому каждый должен посмотреть на свой опыт, чтобы проверить, можно ли приобрести его в одиночку. Наше «я» определяется лишь через «мы» – все, кто здесь сегодня собрался, должны признать, в какой степени их «я» исторически было порождено тем местом, которое составляет его суть. Так можно понять в контексте реальности и истории, в чем заключается связь между присутствием, проявляющимся в конкретном человеке, и местом, где этот человек создается, единством, которому он принадлежит – все мы принадлежим. Община – не некое украшение жизни или необязательное добавление, а важнейшее место порождения каждого из нас. За словом «я», даже если человек произносит его наедине с самим собой, не стоит нечто индивидуалистское. Мама Джакомо свидетельствовала нам об этом: когда окружающие видят то, что они видели в ней, они хотят посмотреть на место, которое ее породило. Да, все заключено в личности, люди в больнице именно в личности той женщины увидели нечто иное, но нельзя отрывать личность от места, ее породившего. Невозможно сказать «я», даже наедине с собой, не подразумевая при этом «мы», место, породившее и продолжающее порождать нас непрестанно. Как говорит отец Джуссани, самая первая компания заключена в «я». Я не могу оторвать собственную идентичность от конкретного места. И потому принадлежность этому единству так важна и совершенно не противопоставлена «я». Затем все будет зависеть от обстоятельств: если необходимо говорить об этом вместе, мы скажем вместе, если же, как в случае с Джакомо, придется сказать об этом в одиночку, каждый скажет о себе лично. Часто человек один на работе, но это не значит, что он изолирован – главное, помнить, чему принадлежишь. И тогда даже там, будучи в одиночестве, можно свидетельствовать о месте, которое тебя постоянно порождает. И это видно из инаковости, характеризующей жизнь. Поэтому, стараясь понять связи и не противопоставлять определенные понятия, мы, вероятно, помогаем друг другу осознать, почему обязательное условие присутствия – принадлежность месту, которое нас все время порождает и создает. Для личности, предстающей перед лицом всей реальности, подобное понимание является основополагающим.

Хочу рассказать о том, как я понял, что способен менять свои суждения. К нам устроилась одна женщина из Движения, которая раньше работала в другом месте – и весьма успешно. У нас же она постепенно стала замечать в себе огромное недовольство, связанное с полным несоответствием реального положения вещей ее желаниям: все казалось ей просто ужасным. Я сначала старался сгладить острые углы, приукрасить ситуацию, подчеркнуть положительные аспекты, которые – я уверен – существуют. Но с течением времени эта женщина становилась все более критичной, ее возмущение росло и по мере наших разговоров перекинулось и на меня. Она неявно винила меня в том, что я утверждал положительность происходящего и, следовательно, словно не замечал проблем. Когда в одном из наших диалогов претензии вышли наружу, в ответ на ее суждение во мне родилось серьезное возражение. Я прекрасно понимал разницу между нежеланием разрушать и потворством. И глядя на собственную историю с точки зрения моей работы (со всеми трудностями, которые пришлось пережить, с той дорогой, которую пришлось преодолеть для построения чего-то благого), я отдавал себе отчет в том, что именно эта реальность была вверена мне, дана, чтобы я заботился о ней и способствовал ее росту ради славы Христовой. Вот почему человек не может не любить окружающую его реальность. Читая «Жизнь отца Джуссани», я был по-настоящему потрясен одним эпизодом – рассказом Моника дела Вольпе, впоследствии ставшей настоятельницей монастыря в Вальсерене, о своей встрече с Движением. Она отправилась на

одно из собраний в Вариготти и была так поражена увиденным, что забыла про прежние колебания. Однако по возвращении домой привычная среда стала вновь затягивать ее, и вновь возникли сомнения. Тогда друг, пригласивший Моника в Вариготти, решил отвезти ее в Милан. Он вспоминает: «Не знаю как, но ей удалось попасть в ресторан, где отец Джуссани обедал с некоторыми ответственными из студенческой среды. “Я всех их там увидела: такие “маленькие”, пытающиеся уловить каждое слово, каждый взгляд своего “начальника” – они были просто невыносимы. Затем я увидела, что Джуссани заказал свежий артишок с соусом и, отрывая один за другим листья, ел их и восклицал: “Как же хороши этот артишок, какой же он вкусный!” Ничего общего со знакомыми ей болонскими священниками. Тем временем Джуссани “смотрел на собравшихся, подшучивал над ними, сыпал остротами, в которых ирония граничила с нежностью... и вдруг я поняла: он всех их любит! Знает их совершенно, видит насквозь – такими же “маленькими”, какими их вижу я, и даже более того. Но он любит их всех и каждого – с преданностью отца”». Этот рассказ поразил меня, потому что в нем я увидел то же суждение, которое открыл и по отношению к самому себе, – то есть способность иным образом смотреть на реальность. Я задался вопросом: что все это породило во мне? И нашел ответ: желание, искреннее и открытое желание того, чтобы присутствие Христа явило себя даже в тех обстоятельствах, когда все происходит не так, как хотелось бы мне, или там, где я того не жду. Желание, которое могло бы быть настоящим, открытым...

Открытым чему?

Тому, что события могут происходить иначе, чем я себе представляю.

То есть открытым определенному замыслу...

...который отличается от моих представлений.

Этот замысел может развиваться с течением времени, а не входить в твою жизнь, как слон в посудную лавку. Часто, глядя на происходящее вокруг или внутри нас, мы теряем терпение. В подтверждение прочитаю одно письмо: «Я замечаю, что в большинстве случаев не меняюсь, ничего не делаю с натуралистичным способом смотреть на себя и каждое утро вновь начинаю с претензий и урезанного восприятия собственного “я”, а потому этот новый взгляд должен постоянно входить в мою жизнь извне. И как он может стать следованием, подлинным следованием, способным преобразить самую суть моего сердца и моего взгляда – настолько, чтобы мне удавалось всегда смотреть на себя лишь так?» Кого нам следует винить, когда происходит нечто подобное? Человека со стороны? Нет, если и злиться, то только на самих себя! Здесь отец Джуссани вновь входит в нашу жизнь, привнося в нее тот взгляд, которым он смотрел на нас, смотрел на тех ребят за обедом, ведь время – неотъемлемая часть замысла Бога, и только в том случае, если мы будем терпеливо следовать, смогут произойти события вроде тех, что описывает одна подруга. «Восприятие нашей личности, являющейся таковой, поскольку Некто вновь повторяет наше имя, иначе мы все еще оплакивали бы факт своего существования, проявляется в жизненных мелочах. Это не абстрактные рассуждения, а опыт, предваряющий любую концепцию, и именно благодаря ему рождается наше самосознание, такое же, что появилось у Магдалины, которая больше не могла смотреть на себя, как раньше, настолько определяло ее обращение: “Мария!”. Моя жизнь изменилась как раз благодаря незначительным вещам. Я всегда старалась не смотреть на события, происходившие со мной, и не хотела замечать обстоятельства, меня ранившие. Ну а когда что-то казалось особенно трудным, делала вид, будто проблем не существует вовсе [вот в чем суть: мы можем находиться тут, а в глубине души постоянно спасаться бегством от того, что происходит]. Я шла вперед, закрыв лицо руками, пытаясь избежать – насколько это возможно – любых ударов. Изменения начались с тех пор, как начал меняться мой муж. Он стал делать школу общины с некоторыми своими коллегами

и смотреть на меня иначе. Я больше не чувствовала необходимости постоянно защищаться от него, и меня тоже коснулись изменения [таков метод Бога: Он изменяет мужа прежде, чем тебя. Мы ведь оставляем за Тайной такое право? Или нет?]. Я тоже стала ходить на мессу всякий раз, когда работа, дети и прочие обязанности мне это позволяли, – я просто не могла не благодарить Его за данный мне дар. Потом муж познакомил меня со своими друзьями и меня поразило и очаровало то, как они смотрели друг на друга и на меня. За простотой каждого их действия стоял поиск Иисуса, попытка понять, что Он говорит им, как следует строить отношения с работой, школой, в которую ходят твои дети, с каникулами. Они на все смотрели, все обнимали и обо всем судили – беспокоясь, пожалуй, о принятии трудных решений, но никогда не умаляя их. Я начала ходить на мессу, не только чтобы благодарить, но и испрашивая того же самого для себя – мне хотелось быть в состоянии замечать Его все больше и больше. Ну и наконец, этим летом произошло самое неожиданное. Мой муж сказал мне: «Как бы мне хотелось, чтобы в отношениях между нами мы могли смотреть на Христа столь же глубоким образом». Я более не могла сопротивляться, не могла более смотреть на себя, не ощущая при этом, как меня зовут по имени [и все благодаря тому, что произошло с другим человеком!]. Сейчас я твердо уверена: даже когда падаю, когда мир словно ополчается против меня, когда меня злит все и вся, мне есть на кого смотреть, чтобы вновь обрести этот взгляд. Я больше не пребываю, как раньше, в постоянных сомнениях насчет красоты, которую встретила. Меня позвали по имени – этот факт невозможно вырвать из жизни, и чем дальше, тем чаще и острее возникает потребность преклонить колена перед Господом и просить Его обо всем. Мое несоответствие, ошибки, ограничения не являются больше последним словом обо мне – теперь побеждает уверенность в том, что Тот, Кто захотел моего существования и дарует мне каждое мгновение, обнимает и прощает меня вновь и вновь».

Следующая **школа общины** состоится в среду, 18 декабря. Вернемся – без всякой спешки – к книге «У истоков христианского притязания», а точнее, к восьмой главе, в которой развиваются темы, поднятые нами на последних встречах.

Для **рождественского плаката** в этом году мы выбрали картину Федерико Бароччи из Амброзианской пинакотеки, дополнив ее текстами папы Франциска и отца Джуссани.

«Встреча со Христом, согласие принять Его любовь и руководствоваться ею раздвигает горизонт существования, дарует крепкую, непостыжающую надежду. Вера – не убежище для людей, лишенных мужества, а расширение пространства жизни. Вера – не тот свет, что полностью рассеивает тьму, а светильник, направляющий наши шаги в ночи, и его достаточно для пути. Страдающему человеку Бог не дает аргументов, объясняющих все, но предлагает Свой ответ в форме присутствия, которое его сопровождает» (*Папа Франциск*)

«Христианство – это связь, которую Христос устанавливает с тобой, а не ты с Ним. Быть может, еще минуту назад ты не смотрел Ему в лицо – а Он с тобой устанавливает связь; быть может, ты еще тридцать лет не будешь смотреть Ему в лицо – Он и через тридцать лет устанавливает связь с тобой. Твою жизнь определит «да», сказанное той связи, которую Христос устанавливает с тобой как с человеком, как с раненым человеком, смертельно раненым. «Я» становится главным героем истории, когда человек знает, ради чего живет, когда признает свою судьбу – судьбу, в ожидании которой он нетерпеливо топтался на пороге, с одной стороны ощущая холод и стужу, а с другой – предчувствуя тепло, исходящее от жилища» (*Луиджи Джуссани*).

Напоминаю вам о просьбе, выраженной в письме, которое я написал Братству после аудиенции с папой Франциском, – молитесь каждый день о Святейшем Отце.

Veni Sancte Spiritus

